

Глава 3

К тому, что вызывало у него интерес, Сун Суйюань всегда проявлял немало терпения.

Удостоверившись, что Беленький котенок заснул, заняв всю постель, он под недоумевающим взглядом Суй Мо отдал распоряжение: — Сначала подготовьте маленькую лежанку и поставьте её в боковой комнате.

Летний дождь выдался на редкость буйным, он смывал летний зной, но от духоты и скуки деваться было некуда.

Сун Суйюань, в последнее время привыкший целыми днями пропадать на прогулках, теперь страдал от невероятной скуки и был вынужден в сопровождении Суй Мо по длинной галерее направиться в кабинет.

В отличие от кабинетов обычных ученых мужей, его комната была совершенно пустой. Лишь пара рядов редких свитков, два-три легких романа да несколько стопок плотной белой бумаги для письма.

Суй Мо по привычке взялся растирать тушь, а Сун Суйюань машинально перелистал оставленные сбоку листы, взял чистый лист и произвел замену: — Сегодня нарисуем кота.

В прошлой жизни мало кто знал, что страстный любитель коллекционировать редкие картины и свитки Сун Суйюань рисовал из рук вон плохо — на уровне ребенка, так что в плане живописи был абсолютно бездарен.

Теперь же он искренне верил, что усердные тренировки помогут исправить этот изъян, хотя в глазах окружающих это выглядело лишь пустой тратой времени.

Длинные пальцы подхостили кисть, запястье напряглось, и напившийся тушью волчий волос послушно заскользил по бумаге. Движения были легкими, словно бегущие облака и текущая вода, а штрихи ложились мягко, подобно дымке.

Суй Мо отступил на полшага и тихонько усмехнулся, но раздававшийся снаружи шум как раз заглушил его смех. Оказалось, что к боковой калитке подошел стражник, и Суй Мо, выйдя наружу, принес новость: — Молодой господин, Третий молодой господин Ван приглашает вас собраться в Павильоне Люсян.

В отличие от него, давно ко всему привыкшего, А Янь с любопытством вертел круглой головкой, озираясь по сторонам.

Это и вправду было для него непростой задачей.

Неужели это те самые картины для изгнания злых духов, что используют в Шэнцзине?

Ого, поистине свирепые и грозные морды.

Едва они приблизились, как до них донеслись шум толпы и звяканье струн и флейт, пробивавшееся сквозь стенки экипажа. Прижав к груди кота, Сун Суйюань отдернул занавеску, проигнорировал внезапно вспыхнувшие вокруг шепотки и вслед за ожидавшим у входа слугой шагнул внутрь здания.

Любовничек Сун Суйюаня, да?

В его головке промелькнула мысль: там, далеко на Северо-Западе, армейские вояки перед своими зазнабами вели себя точь-в-точь так же.

Усевшись за стол, А Янь увидел перевернутый рисунок, просеменил лапками на пол-оборота, некоторое время разглядывал грудку белой бумаги, после чего пришел к выводу: — Мяу-мяу?

Его глаза ярко заблестели, он легко подпрыгнул, запрыгнув прямо на стол, и радостно поприветствовал: — Мяу?

Раздался стук копыт, разбивающий световые блики.— Только что вошел Третий молодой господин Ван, а Чэнь Сянло тут же принялась крутиться вокруг него с кувшином вина, вот они и столкнулись.

Уловив разницу, А Янь решил, что тот просто притворяется, шевельнул ушками и издал странное, неопределенное «ау».

Павильон Люсян — самый знаменитый бордель Шэнцзиня.

Трехэтажное главное здание украшали резные балки и расписные стропила, карнизы уходили далеко вперед, а на галереях под ними красавицы играли на музыкальных инструментах, поэты поднимали бокалы, приглашая в собутыльники ясную луну, и сотни ярких фонарей сияли подобно Млечному Пути. Здесь кипела бурная жизнь, во всей красе являя роскошь Шэнцзиня.

— Мяу~ — отделался отговоркой А Янь, вертя круглой головкой и заглядывая на стол — ему все еще хотелось разглядеть ту невиданную картину-оберег.

Мастерство молодого господина в обращении с кистью было из ряда вон выходящим... при условии, что он бросит рисовать.

Голос у него был чистым и мягким, глубоким и нежным, а обычная его праздность и неторопливость куда-то исчезли.

Юноша, выросший в степях Северо-Запада, походил на деревенщину: даже переступив порог, он все цеплялся руками за плечо Сун Суйюаня и оглядывался назад, пока не услышал сладкий голосок, произнесший: «Вижу молодого господина Суна», после чего машинально повернул голову.

Да разве Сун Суйюань не понимал, что за мазня у него получилась? Он просто увлеченно размышлял над тем, на каком именно этапе всё пошло не так, а тут вдруг перед глазами предстал оригинал — и в душе невольно шевельнулось чувство вины.

Задрав круглую головку, он смотрел, как те двое склонились над листком бумаги, обсуждая что-то: Сун Суйюань выглядел серьезным и задумчивым, а Суй Мо — излишне осторожным.

В определенные моменты — например, сейчас — А Янь неизменно видел в этом новознакомом Сун Суйюане тени своего отца: тот точно так же безумно хотел, чтобы кот поластился и проявил нежность, но ни за что не признавался в этом, заставляя питомца гадать. Угадаешь — наградит, не угадаешь — отлупит кота...

Ныне на службе ценили статную внешность, поэтому все чиновники и сыновья богатеев, регулярно заходящие в Павильон Люсян, выглядели весьма неплохо. Однако между «неплохо» и «безупречно» лежала пропасть, подобная небесной черте. Старший молодой господин Сун как раз и был тем самым «безупречным». Если не брать в расчет его внешность, его поэтическая слава гремела на весь мир, и прежде добрая половина девиц в этом заведении была в него влюблена, а после того, как он заглянул сюда несколько раз, их чувства стали еще сильнее.

Кот умел и прогибаться, и распрямляться: его нежно-белая круглая мордочка потерлась о щеку юноши раз, потом второй: — Мяу~

Куртизанка, приветствовавшая Сун Суйюаня, носила имя Чэнь Сянло. Она виртуозно играла на пипе и как раз поднималась вверх, держа в руках кувшин с вином.

Час петуха, первая стража, Павильон Люсян.

— В следующий раз я тоже пойду!

На что это он смотрит?

Только что Сун Суйюань нарисовал черного кота, и результат вышел вполне сносным, вот он и захотел попытаться запечатлеть А Яня.

Сун Суйюань, прижимая к груди кота, перебрался парами слов с несколькими встреченными красавицами и лишь на третьем этаже, глядя прямо перед собой, направился в привычную отдельную комнату.

— Как завидно этой девчонке...

Увидев такую реакцию, Сун Суйюань чуть заметно повел брови: — Хочешь пойти?

Уши Беленького котенка дернулись, его маленькое тельце, распластанное на рисовой бумаге, мгновенно подскочило, а круглые зрачки засияли, и в каждом отчетливо читалось: «Хочу» и «Пойду».

— Посмотрите-ка, какая у молодого господина Суна прелестная кошечка.

Щеки Чэнь Сянло покраснели, она с нежным выражением лица отвесила поклон: — Благодарю вас за подаренные в прошлый раз ноты для пипы, эта служанка... безмерно счастлива.

А Янь шустро взобрался на плечо хозяина, вытянул лапку наружу и воинственно скомандовал: — Ау!

Взгляд Суй Мо следовал за кончиком кисти, постепенно погружаясь в оцепенение человека, потерявшего всякий вкус к жизни.

Он взял на руки Беленького котенка и мягким тоном поинтересовался: — А Янь проснулся. Ну как тебе постелька?

Внутри здания горел яркий свет, словно днем, вокруг открывался прекрасный вид, и повсюду сновали гости в сопровождении красавиц.

В путь!

Сун Суйюань же неторопливо уселся за стол и с недоброй усмешкой осведомился: — М? И насколько сильно хочешь пойти?

Сун Суйюань кивнул: — Не стоит церемоний, госпожа Чэнь.

Время шло незаметно. А Янь проснулся в неустановленный час; в комнате никого не было, и, уловив знакомый запах, он вбежал в кабинет, где услышал неуверенное бормотание Суй Мо: — ...Молодой господин, мне кажется... мне кажется, не очень похоже.

Сун Суйюань на мгновение замер, махнул рукой и пустил дело на самотек — все равно никто не узнает.

— Мне почему-то кажется, что сегодня молодой господин Сун держит кота гораздо нежнее, чем в прошлые разы...

Дверь отдельной комнаты отворилась. Глазам открылся лишь пышно одетый, с ног до головы увешанный жемчугами и драгоценными камнями пухлый белолицый юноша, который закинул ногу на ногу и наслаждался музыкой — зрелище одновременно умиротворенное и комичное.

Услышав шаги, Третий молодой господин Ван расплылся в льстивой улыбке: — Главарь, вы пришли!

Музыка гуция смолкла. Он почтительно проводил Сун Суйюаня на почетное место, без умолку тараторя: — Главарь, я виноват! В последнее время столько дел, совсем закрутился и забыл прислать к вам в особняк официальное приглашение, пришлось спешно посылать за вами людей. Я грешен, но деликатесы не виноваты — отведать их будет для них истинным благословением.

Он указал на уже расставленные на столе десять блюд, некоторые из которых еще исходили паром, и два кувшина с вином.

Сун Суйюань ничего не ответил, лишь слегка приподнял брови, ожидая продолжения.

Из всех детей клана Ван только золото могло заставить этого паренька проявлять такое усердие. Их дружба тоже началась с того момента, как он обнаружил у этого парня талант к зарабатыванию денег и умение читать чужие мысли.

И действительно, Ван Сань попытался скорчить серьезную физиономию, но не смог сдержать безумно поползшие вверх уголки губ, поэтому бросил эти попытки и, с трудом сдерживая волнение, выпалил: — Благодаря вашей идее в прошлом месяце мой бизнес принес вот столько прибыли!

Он выставил пятерню. И хотя черты его лица еще не до конца сформировались, рассуждал он об этом с солидностью заправского крупного купца.

Сун Суйюань с невозмутимым видом прижимал к себе кота: — Мои поздравления.

Ван Сань хихикнул: — Взаимно, взаимно!

Прежде у них было условлено: со всех доходов от новых игорных правил Сун Суйюань получал семьдесят процентов комиссионных. Ван Сань согласился с легким сердцем, потому что даже после вычета этой огромной суммы то, что оставалось ему, было меньше ничуть не меньше, а то и больше.

Судя по всему, выручка выдалась отменной.

Уголки губ Сун Суйюаня чуть тронула улыбка, и он сам себе налил чашку вина.

Ван Сань хотел было сказать что-то еще, но вдруг заметил выглянувшую из-за пазухи гостя круглую головку и мгновенно забыл, о чем собирался говорить: — Главарь, вы завели кота? Я тут намеренно раздобыл парочку кошек из Западного Края, самых разных мастей. Какую расцветку любите? Я велю прислать к вам в особняк.

Только что он хвалил его за деловую хватку, а в следующее мгновение полностью растерял сообразительность.

А Янь, который до этого неотрывно смотрел на винную чашку и уже предвкушал, как бы ее попробовать, медленно поднял голову и сердито выдал: — Ау!

Этот цзыцзинь вовсе не какая-то там глупая кошка!

Сун Суйюань опустил чашку, погладил круглую головку, утешая питомца, и отклонил предложение собеседника: — Не нужно. Ни одна другая кошка не сравнится с А Янем.

Эти слова прозвучали приятно, да и макушку гладили отлично, так что А Янь успокоился, качнул хвостом, обернув его вокруг запястья держащего его человека, и больше не удостоил соседа ни единым взглядом.

Коты злопамятны.

Ван Сань почесал затылок: этот кот и впрямь выглядел куда смышленнее тех.

Истинно главарь!

Стоило их разговору затихнуть, как из-за ширмы с пейзажами плавно выступила изящная фигура и, полуприсев в поклоне, произнесла: — Эта служанка приветствует молодого господина Суна.

Это была та самая девушка, что играла на гуцине за ширмой — Ши Вань, первая среди куртизанок Павильона Люсян, чье имя гремело на весь Шэнцзин.

Хотя в ее взгляде читалось сдерживание, само это стремление поскорее засвидетельствовать почтение... Очевидно, она тоже входила в число тех, кто был тайно влюблен в Сун Суйюаня.

Кот понял это с первого же взгляда!

— Ау-ау~ — раздалось кошачье мяуканье.

Хм, а Сун Суйюань-то ветреный человек! Дрянь!

Сун Суйюань слегка кивнул ей, взял палочки, подбросил А Яню кусочек рыбы и поддразнил: — И чего ты так рассердился?

Он заметил, что, когда А Янь был в хорошем настроении, его голос звучал как «мяу», а стоило испортиться — превращался в «ау».

А Янь пропустил его слова мимо ушей, в один присест сжевал рыбу, вытянулся во весь рост и с горящими жадой круглыми зрачками уставился на нищенского цыпленка, усердно пытаясь загresti лапкой лакомство: — Ау...

Вкусно, дайте коту ароматной курятины.

Сун Суйюань пошел у него на поводу и принялся кормить всем подряд, куда только указывала маленькая лапка.

Увидев это, Ши Вань опустила голову, в ее глазах мелькнуло разочарование. Она еще долго смотрела на молодого господина Суна с невысказанным вопросом на устах, но так и не дождавшись от него ни единого взгляда, была вынуждена отступить обратно за ширму.

Ван Сань с тоской смотрел: заказанные им блюда почти целиком отправлялись в кошачий желудок; с другой стороны — красавица-предводительница куртизанок теребила в пальцах шелковый платок, пока чаша за чашей уходило хмельное вино.

После нескольких сыгранных мелодий на гуцине Ван Сань первым попросил позволения удалиться: уже наступил вечер, ему нужно было возвращаться домой пересчитывать серебро, да и вообще — нечего здесь мешать главарю слушать музыку. Он только что чуть не уснул и даже проснулся от собственного храпа.

Правда, ему казалось, что он забыл сказать что-то важное, но захмелевшая голова никак не желала вспоминать.

Ну, о выручке он уже доложил, а остальное не так уж важно.

— Дорога назад неблизкая, будь осторожен, — произнес Сун Суйюань, продолжая кормить кота.

Ему нравилась стряпня Павильона Люсян и игра на гуцине, он часто заходил сюда поесть и послушать музыку, но сейчас кормить кота было куда интереснее, чем трапезничать самому, поэтому он просто попивал вино, заказанное Ван Санем.

Неизвестно, что это был за сорт, но на вкус оно оказалось освежающе-ароматным, куда более приятным, чем предыдущее.

Незаметно кувшин опустел, а от нищенского цыпленка остались одни кости.

Сун Суйюань отложил палочки, нахмурился, протянул руку, перевернул Беленького котенка на спину и, разглядывая его нежный животик, обеспокоенно спросил: — Как ты себя чувствуешь?

А Янь перевернулся обратно, упершись двумя лапками о край стола: — Мяу-мяу...

В животике всё отлично, дайте коту креветок.

— Хватит есть, в следующий раз снова тебя привезу, — Сун Суйюань перехватил маленькие лапки и вернул их обратно, опасаясь, что тот не знает меры в еде.

А Яню было всё равно — сколько бы он ни съел, ему от этого хуже не стало бы. Покатавшись туда-сюда в знак протеста, он вдруг замер.

Зачем вообще позволять Сун Суйюаню кормить себя? Кот и сам может поесть!

Во всем виноват Сун Суйюань!

Душа и мысли Ши Вань были целиком поглощены тем, что происходило по ту сторону ширмы, и она сбилась, фальшиво взяв пару нот.

Сун Суйюань посмотрел на не знавшего запретов в еде Беленького котенка и, понаблюдав за ним с полчашки чая, примерно понял, что это была одна из его удивительных особенностей.

Успокоившись на этот счет, он обратился к другому человеку в комнате: — Госпожа Ши, на сегодня достаточно.

Музыка гуциня резко оборвалась.

Подождав с мгновение, Ши Вань вышла и приблизилась, чтобы принести извинения.

Ее алые губы шевелились, но Сун Суйюань не услышал ни единого слова.

Кончик его носа уловил исходивший от нее сладкий аромат, и доселе сдержанные желания внезапно всколыхнулись.

Он прищурился, и в глубине его глаз затаилась грозовая, опасная буря.

Занимавшийся сверкой счетов Ван Сань внезапно чихнул, и его недавно повенчанная кузина одарила его полным заботы взглядом.

Прижавшись к нему мягким, благоухающим телом, она заставила его внезапно вспомнить то, что он забыл сегодня.

Он ведь потратил огромные деньги на два кувшина Цяньцзянь Цзуй.

В Шэнцзине это вино славилось своей силой: веселит душу, придает куража, дарит ощущение парения в небесах.

Впрочем... должно быть, ничего страшного?

<http://bllate.org/book/24809/2934717>